

Надир Надиров

**МЫ, КУРДЫ –
КАЗАХСТАНЦЫ**

Алматы 2003

Надир Надиров

**МЫ, КУРДЫ-
КАЗАХСТАНЦЫ**

Алматы 2003

ББК 63.3(2)+63.5
Н 17

Надиров Н. К.

Н 17 Мы, курды-казахстанцы. – Алматы, 2003. – 556 с., фото.
ISBN 9965-405-09-3

Через призму своей судьбы, на примере жизни и деятельности известных соотечественников автор рассказывает, как курды, насильственно депортированные в жестокие 1937-38 и 1944 годы в необжитые районы южного Казахстана (Баканас, ущелье Каска-Булак, село Буденное, долина реки Чу и другие), благодаря широте души казахского народа, заняли достойное место в многонациональной семье СССР. Брошенные на произвол судьбы и обреченные на ассимиляцию, они нашли в себе силы сохранить национальную память, родной язык, самобытную духовную и материальную культуру.

Целью автора данной книги было создать коллективный портрет курдов-казахстанцев, представителей одного из древнейших на Земле народов, – труженика, воина, скитальца, потомков "Рыцарей Востока".

Сегодня курдская община республики вносит достойный вклад в обновление древней казахской степи, в развитие экономики, науки, образования, культуры независимого Казахстана – суверенного государства, ставшего для них такой же любимой и дорогой Родиной, как и многострадальный Курдистан.

Н 0503000000
00(05)-03

ББК 63.3(2)+63.5

ISBN 9965-405-09-3

© Надиров Н. К., 2003

**МЫ ОДОБРЯЕМ ПОЛИТИКУ НАШЕГО ПРЕЗИДЕНТА
НУРСУЛТАНА АБИШЕВИЧА НАЗАРБАЕВА!**

Встреча Президента Республики Н.А.Назарбаева с членами Совета Ас

27 августа 2003 (г. Алматы)

ее лишены лишь мертвые.
Феокрит,
древнегреческий философ

Неправда, что последней умирает надежда. Последней умирает память. Пока жива память, живы и надежды на то, что все образуется, станет на свои места, а наносное, лживое, лицемерное превратится в прах. Память защитит непреходящие ценности и высветит настоящих людей – созидателей, тружеников, своими руками управляющих рычагами Истории. И как бы ни трактовали сейчас события прошлого, История – это вечность, и ее границы не в нашей власти. Мир, помня бывшее, спасет себя сам, своими собственными силами. В конечном итоге зло не может победить добро, беспорядок не может взять верх, пропасть не поглотит людей. Рождаясь среди горя и отчаяния, люди генетически обладают неистребимой любовью к родным местам, несут в себе нравственные богатства предков, ради которых готовы к труду и созиданию, высоким нравственным подвигам и даже к самопожертвованию.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Человек без памяти, то есть лишенный исторического опыта родного народа, поставленный перед необходимостью заново определить свое место в мире, оказывается вне исторической перспективы и способен жить только сегодняшним днем. Но если душа остается в непреодолимом плену воспоминаний, то невольно тянется “рука – к перу, перо – к бумаге” (А. С. Пушкин). “Нужно знать много истории, чтобы создать немного литературы”, – гласит древняя мудрость. Моя долгая и удивительно насыщенная событиями и фактами жизнь, полагаю, дает мне право рассказать о пережитом, о дорогих людях, о глубокой боли за мой древний и загадочный народ, о том, что – несмотря ни на какие испытания – вселяет в нас оптимизм.

Время. Что сравнится с его стремительным и неуловимым бегом? События 1930-40-х трагических годов уходят все дальше в прошлое, их заслоняют новые факты, люди, свершения. Почему же не дает покоя ощущение, что чья-то злая, жестокая рука где-то и именно сейчас вновь вершит черные дела по отношению к курдам, одному из древнейших на Планете народов? Может, потому что ни одна из серьезнейших проблем наших дней, наряду с экономическими кризисами и поисками современных идеологий, не представляет такой актуальности, как обострившиеся межнациональные конфликты. Это зерно, из которого произрастают межгосударственные противоречия, вплоть до военных столкновений, трагических и для эпицентра конфликта, и для судьбы всего мирового сообщества.

Начало 2003 года стало временем, когда поляризация в мировой политике достигла наибольшей напряженности. На грани раскола оказались даже самые авторитетные международные объединения – Организация Объединенных Наций и Европейский Союз. “Вихрь от мысли до курка” (В. Маяковский) набирал силу на глазах всего человечества, и 20 марта 2003 года начались военные действия с целью свержения режима иракского диктатора Саддама Хусейна. Наиболее болезненный разлом прошел – в который уже раз! – по многострадальной земле Страны курдов. Иракский Курдистан составляет шестую часть территории Ирака и представляет собой автономию из трех курдских провинций на севере страны, а курды – четверть из 24 миллионов населения этого государства.

В настоящее время в мире насчитывается свыше 40 миллионов курдов. На своей исторической Родине они живут более 3 тысяч лет, а Курдистан остается всего лишь названием этногеографического массива, разорванного границами Ирака, Турции, Ирана, Сирии и постсоветского Закавказья. Проблема этнополитического и государственного самоопределения курдского этноса – одна из нерешенных задач современного Среднего Востока.

Но разделенный межгосударственными, а по существу внутрикурдскими границами, огромный курдский народ продолжает отстаивать свою самобытность и право на свой путь в Истории человечества. Курды, где бы они ни жили, преданно любят родную землю, сохраняя национальную

культуру, историю и обычаи, языковую общность. Немало прославленных политических деятелей, полководцев, плеяда талантливых писателей и поэтов оставили яркий след в мировой истории.

“Образ настоящего будет плоским без глубины прошлого и высоты будущего”, – считает известный казахстанский поэт, исследователь культуры, дипломат **Олжас Сулейменов**. Поэтому я стремился полнее рассказать об историческом пути моего народа, о жизни курдской общины в Республике Казахстан, о современном состоянии так называемой курдской проблемы – такой же по целям, как и проблемы любого народа: просто жить, быть равным с другими, иметь право на мирный труд и светлое будущее.

Сегодня мало кто знает, что цивилизация в Передней Азии возникла благодаря предшественникам курдов, издревле жившим в Месопотамии (Двуречье). Судя по древнейшим шумерским записям, за две тысячи лет до нашей эры племена, известные, как *гутеи*, *кутеи* или *куртии*, занимали район среднего течения реки Тигр. Ассирийцы и арабы доисламской эпохи называли эти племена *кардухами* или *киртиями*.

Об этом же свидетельствуют труды знаменитых древнегреческих и древнеримских авторов – Геродота, Птолемея, Плутарха, Ксенофонта и др. Давно известные памятники древней культуры предков курдов, а также археологические находки последних лет дают все основания утверждать, что цивилизация в Курдистане появилась раньше шумерской. И это не случайно. Через эту внутриматериковую территорию пролегли важнейшие торговые пути, соединявшие Европу с Азией, запад и восток, проходили военные маршруты европейских и восточных завоевателей. Курды обитали в регионе, открытом для различных идейно-политических и религиозных влияний, поэтому здесь возникали и развивались синкретические философские школы. Имея богатые многовековые традиции собственной духовной и материальной культуры, курды внесли большой вклад в развитие культуры народов всего мира. Сегодня, как и в те времена, курды говорят на курдском языке, который относится к индоевропейской группе языков, к его иранской ветви.

За многовековую историю курды создали свою национальную культуру и самобытную письменную литературу. Древние литературные памятники курдов имеют более чем тысячелетнюю давность. В городе Сулеймании (Ирак) найдены фрагменты поэмы, написанной на курдском языке, относящиеся к VII веку. В XI веке жил и творил курдский поэт Али Харири. Следом идет целая плеяда выдающихся поэтов – Мела Джезири (XII в.), Факи Тайран (XIV в.), Мелая Бате (XV в.), многие другие.

Как поворотный рубеж высится в курдской истории XVI век – драматический момент отечественной истории. Тогда Курдистан – середина евроазиатского субматерика, край неповторимой красоты и безграничных природных богатств, оказался в эпицентре мощнейшего противостояния двух империй: Османской и Сефевидской. Исконные курдские территории были вовлечены в эту войну, раздиравшую курдский мир надвое.

Год 1514-й и Чалдыранское сражение приняты за точку отчета новой курдской истории, поскольку именно тогда Страна курдов была разделена

между Турцией и Ираном. Но огромный и свободолюбивый курдский народ не смирился, продолжая, с одной стороны, вести независимый образ жизни в горных районах, а с другой – ни на день не прекращая сопротивления колонизаторам.

Согласно ирано-турецкому договору 1639 года была определена граница их владений в Курдистане и скрыты многие могучие курдские крепости по обе стороны разделительного рубежа. Именно возле этой черты и находятся истоки национально-освободительной борьбы, которая до сих пор сотрясает древний Курдистан.

В те далекие времена появился поэт и писатель Ахмеде Хани (XVII в.), творчество которого получило наибольшую признательность народа и стало яркой звездой мировой культуры. Его знаменитую поэму “Мам и Зин” можно с полным правом назвать лучшим памятником курдской литературы. Ахмеде Хани не только гордость, но и символ курдского народа. Как у многих великих гуманистов, талант его был универсален. В круг его интересов входили история, философия, астрономия, музыка. Он в совершенстве владел многими языками народов Востока. Подобно М. В. Ломоносову, основавшему первый русский университет, Ахмеде Хани открыл для своего народа Мед-ресе, где курды имели возможность изучать различные науки, развивать свою культуру и язык. Им создан арабско-курдский словарь “Nûbar” (“Первенец”).

В сочинении “Нравы и обычаи курдов” Мела Махмуда Баязиди (родился около 1797 г.) описаны отдельные стороны социально-экономической жизни курдов, их материальная культура, обряды, церемонии, множество интересных поверий и примет, бытующих среди курдов и поныне. Народные традиции и обычаи тщательно соблюдаются и передаются из поколения в поколение, их придерживаются и курды-казахстанцы.

Особенно жестоким для курдистанцев стало XIX столетие, когда в огне перманентных восстаний погибли миллионы патриотов. И на пороге следующего века народ понял главное: нужно национальное единство. Во имя этой идеи в 1898 году в Каире начала издаваться первая курдская газета “Курдистан”, со страниц которой поэт Хаджи Кой призывал курдов к единству и борьбе за национальную честь и достоинство.

Во время Первой мировой войны Россия, в составе войск которой не раз сражались курды в русско-турецких войнах, пыталась создать курдское государство на территории Ирана. Россию поддерживали страны Антанты. Но по Лозаннскому мирному договору, подписанному странами Антанты без согласия курдов (1923 г.), Курдистан был вновь поделен, на этот раз между четырьмя государствами: Турцией, Ираном, Ираком и Сирией. Этот раздел остается в силе и поныне.

Пятой частью Курдистана является исторически курдская территория, за двести лет до этого вошедшая в границы Российской империи. Она стала основой Красного Курдистана – курдской автономии в Закавказье, история которой также трагична. По решению ЦИК (Центрального Исполнительного Комитета) Азербайджана 7 июля 1923 года из районов компактного проживания курдов в Закавказье был образован Курдский Автономный уезд

(впоследствии округ), в который вошли территории Лачинского, Кубадлинского, Келбаджарского, Зангиланского районов современного Азербайджана с центром в г. Лачин. Тогда появились первые курдские школы, издавались учебники и газеты. В Ереване и Лачине были открыты педагогические техникумы для подготовки учителей для курдских школ, был разработан курдский алфавит. В эти годы появились первые партийно-государственные деятели и писатели из числа советских курдов.

В Красный Курдистан в то время переселилось около двух тысяч семей курдов из Ирана и Турции, где официальными властями было запрещено – под страхом тюремного заключения – даже в быту пользоваться курдским языком. В 1920-е годы в соседних с СССР странах резко обострился национальный вопрос, и курды оказались как бы разменной монетой в борьбе интересов нескольких стран, острием внешней политики которых был Ближний и Средний Восток. И в целях своей восточной политики советская дипломатия предала курдов СССР. Есть все основания полагать, что в 1929 году, во время ратификации Советско-Турецкого договора о дружбе и нейтралитете, турецкая сторона поставила условие перед советской о ликвидации Курдского Автономного округа, что и было сделано сталинским руководством.

Лишившись автономии, советские курды были обречены на постепенную ассимиляцию среди окружающих народов, жили гораздо хуже своих “соседей”. 1937 год явился миру в своем трагическом виде, загнав гордых, свободолюбивых курдов в глухие места Казахстана. В специальных поселениях для депортированных потомки многих “малых” советских народов испытали не только голод, нищету и несправедливость, но долгие 20 лет жили с несправедливым, унижительным клеймом “предателей”.

После 1956 и 1960 годов, когда был отменен позорный спецучет, запрещавший свободное передвижение, в дома курдов вернулось Солнце, радость и уверенность в достойном будущем в семье советских народов. Курды-казахстанцы обрели новое дыхание в 1991 году, когда на карте мира появилось новое независимое государство – Республика Казахстан. В укрепление суверенитета своей второй Родины курдская община вносит достойный вклад, продолжая традиции исторического оптимизма и созидательного труда. Обо всем этом я и написал в своей новой книге, которую посвящаю моим соотечественникам.

Интересных, замечательных людей очень много и рассказать обо всех в одной книге, естественно, невозможно. Моими героями стали, прежде всего, курды-казахстанцы с активной жизненной позицией, внесшие свой немалый вклад в сохранение единства и доброго имени нашего древнего народа-скитальца, ежечасно участвующие в общественной и социально-экономической жизни молодого суверенного государства. Немало портретов тех, кто постоянно помогает народным лидерам в местах компактного проживания курдов, достойно представляет нашу общину во всех регионах страны, кто эффективно поддерживает разнообразную деятельность Ассоциации “Barbang” курдов Республики Казахстан.

Глава 1

КАК МЫ ОБРЕЛИ ВТОРУЮ РОДИНУ НА КАЗАХСКОЙ ЗЕМЛЕ

“ПЯТАЯ ЧАСТЬ” ИСТОРИЧЕСКОЙ РОДИНЫ КУРДОВ

Память избирательна. Помимо нашей воли она выхватывает из прожитого отдельные моменты жизни, и их можно сравнить с цепью. Чтобы удержать всю цепь, надо ухватиться за основное звено. Таким звеном для меня стал 1937-й год. Время, когда на территории великого государства – Союза Советских Социалистических Республик – свершались самые гнусные и чудовищные злодеяния, какие только могла придумать диктатура. Тогда, в жестокие 1930–40-е годы наши предки были выброшены буквально на гибель или, в лучшем случае, на ассимиляцию, то есть полное растворение среди других. Действительно, “все, что является нравственным злом, является злом и в политике” (Жан Жак Руссо).

В тот год курды, как “малый” народ СССР, были подвергнуты насильственной депортации с издавна обжитых мест на территории этой страны в далекий незнакомый Казахстан, одну из советских республик.

Как же появились курды в СССР? Первые древнейшие сведения о пребывании курдов в этом регионе сообщает письменный памятник V в. до н.э. “История Армении” Мовсеса Хоренаци (Моисея Хорейского). Но уже ранее VII в. до н. э. курды считались в Закавказье местным коренным населением. Это подтверждает востоковед И. М. Дьяконов в своем труде “История Мидии” (1956), сообщая о появлении курдов на территории Российской империи. Он пишет, что в VIII–VII вв. до н. э. все Закавказье находилось в сфере влияния мидиян (предков курдов). В некоторых армянских источниках сведения о живших на этих землях курдах также восходят к VI в. до н. э.

В южный Кавказ (сегодняшний Азербайджан) курды переселялись и в VII в. после поражения в войне с Арабским Халифатом. В 70-х гг. X в. в районе Гянджи возникло курдское государство Шеддадидов. Сфера влияния этого государства распространялась на территорию между реками Кура и Аракс и охватывала также исконно курдские земли: районы Келбаджара, Лачина, Кубадли, Зангилана, вплоть до иранской границы. Один из известных российских историков Г. Ф. Чурсин полагает, что в Западном Азербай-

джане (бывшем Курдистанском уезде) курды могли появиться в период турецко-персидской войны 1589 года, когда они находились в составе турецких войск и "как победители остались на занимаемых ныне местах".

Нередко в средствах массовой информации встречается расхожая мысль о том, что один из древнейших народов Планеты курды никогда не имели государства. В связи с этим хочу сделать важное для понимания дальнейшего пояснение.

Государства под названием *Kurdistan – Курдистан* никогда не существовало. Однако огромный индоевропейский курдский народ, по шумерским письменным источникам ("Эпос о Гильгамеше"), более 6 тысяч лет назад – в 28–27 веках до н. э. имел свое государство "Арат" ("страна", город-государство Аратта), которое позже (через 5 тысячелетий!) под названием "Мидия" вошло в состав Арабского Халифата. Глубокий знаток курдской истории Абдулла Оджалан уточняет эти сведения:

"На северо-западе сегодняшнего Ирана, или в районе озер Ван, Урмия и Заб, в пределах государства Мидия, которое, вероятно, получило свое название от ассирийцев, в I тысячелетии до н. э. развивалась цивилизация Урарту, успешно прошедшая этап усиленной централизации... Население, достигнутое в процессе цивилизации, постепенно сдвигалось в направлении северо-западного Ирана, т.е. Мидии. С большой долей вероятности можно предположить, что этнические группы, называемые мидянами, прибыв из этих регионов, разместились в более развитых с точки зрения цивилизации регионах междуречья Тигра и Евфрата" (От Шумерского государства жрецов к демократической цивилизации. – Москва, 2003. Т. 1, 477 с.).

Из многих исторических источников известно, что Мидия (на санскрите *Midya* – середина земли) – это страна в северо-западной (Передней) Азии, границами которой на севере были Каспийское море и Армения, на юге – Персия, на западе – Ассирия. Эти границы в значительной степени совпадают с территорией современного Курдистана, а жители страны – мидяне являются общепризнанными предками курдов.

Уже с XI столетия огромная географическая территория проживания курдов и их предков во всех исторических документах называется *Kurdistan – Курдистан*. На картах Среднего Востока, картах рождения цивилизации, появления религий, особенно христианства, обозначены страны "Мидия" – "Месопотамия" – "Курдистан" – самоназвание (этноним) страны с территорией более 600 тысяч кв. км, где и в настоящее время живет свыше 40 миллионов курдов.

А все последующие разделы исконных курдских земель происходили под названием "расчленение Курдистана". Это было в 1514 году после Арделанской битвы, в 1555-м по Зохабскому договору, в 1813-м по Гюлистанскому договору между Англией и Россией с участием правящих кругов Ирано-Туранских империй; в 1829-м – после русско-турецкой войны 1827–1828 годов и победы в ней русских войск, согласно Туркменчайскому трактату,

когда все курдские земли по эту сторону реки Аракс отошли к России. Это Нахичеванская АССР и курдские земли в Лачинском коридоре между Азербайджаном и Арменией: районы Келбаджар, Кубадлы, Зангилан и Лачин. А Большая Месопотамия снова была поделена между Ирано-Туранскими империями: в 1839-м по Касре-Ширинскому договору; после очередного русско-турецкого военного конфликта в 1848–1852 годах.

В 1893 году между Англией и Россией было достигнуто тайное соглашение о расчленении Османской империи в будущем веке с образованием трех государств – арабского, армянского и курдского. Это послужило одной из причин Первой мировой войны 1914–1918 годов.

По Лозаннскому договору 1923 года ведущие страны Западной Европы и США разделили Курдистан между четырьмя странами – Турцией, Ираном, Ираком и Сирией, причем турецкая и иракская части оставались под опекой Англии, иранская – под опекой Франции. После 1923 года курдские земли стали определять только географическим названием “Kurdistan”, в которое исторически входит и пятая часть – российская.

Государственным образованием курдов историки и политики считают Мехабадскую Курдскую Республику во главе с незабвенным **Казы Мухаммедом**, которая была провозглашена в 1946 году, в период советской оккупации Северного Ирана. С уходом частей Красной Армии Мехабад в декабре того же года был потоплен в крови, и Курдская Республика, просуществовав всего 11 месяцев, осталась героической страницей национальной истории.

Но вернемся в глубь веков. В XIII веке Чингис-хан разгромил Шеддадидское княжество, и курды, спасаясь, переселились на территории, которые в новое время называли Красный Курдистан и Карабах (повторю, что это Нахичеванская АССР и курдские земли в Лачинском коридоре между Азербайджаном и Арменией: районы Келбаджар, Кубадлы, Зангилан и Лачин). Таким образом, с древнейших времен и до наших дней, по крайней мере, часть курдов Закавказья – коренные жители этого региона. После того как по Чалдыранскому договору (1514 г.) Курдистан был разделен между Османской империей и Сефевидским Ираном, курды начали переселяться из центральных районов своей исторической родины на ее окраины. Поток беженцев все больше устремлялся на север, в частности, после Гюлистанского договора с Персией в 1813 году, когда к русским перешли земли Елизаветпольской губернии по эту сторону реки Аракс. По Туркменчайскому трактату 1829 года от Персии к России отошли курды Эриванской губернии и жители Нахичевани, а в 1878 году их число в пределах России возросло за счет карсских и ардаганских курдов.

Таким образом, курды оказались в пределах Российской империи, в административных границах Азербайджана, Армении и Грузии, хотя они ниоткуда сюда не переселялись, а жили на своей земле исконно. Разделение наших предков по религиозным убеждениям произошло естественно: поток

мусульман направлялся в Азербайджан, а езиды сосредоточились в Армении и Грузии. По данным Всеобщей переписи населения 1897 года, в России курдов – мусульман и езидов было 99,9 тыс. человек. Жили курды компактно, поэтому им удавалось сохранять самобытный образ жизни, национальные традиции, обычаи; они пользовались своим родным курдским языком и владели языками окружающих их народов.

Новая волна курдских беженцев образовалась после распада Османской империи в 1918 году. Спасаясь от межнациональной резни и геноцида со стороны младотурков, курды переходили российскую границу и селились вблизи своих соплеменников. Жили как все вокруг, вместе преодолевали невзгоды судьбы, делили редкие радости.

Потомки древнего народа воодушевились Октябрьской революцией 1917 года как началом освобождения всего человечества от бесправия и нищеты. Искренне поверили, что действительно "близится эра светлых годов", как пелось в одной из песен тех лет. Поэтому приняли самое активное участие в становлении Советской власти в Закавказье.

Большевистское правительство во главе с В. И. Лениным после прихода к власти стало проводить политику, в целом не исключавшую получения народами огромной страны отдельных форм государственного и национального самоуправления. Но национальная политика большевиков, несмотря на определенные позитивные моменты, по сути имела двойственный характер, рассчитанный на советизацию населения бывшей Российской империи. В конце концов, после ряда лет национально-государственного строительства, усугубленного голодом и гражданской войной, подавлением любых форм национального самоопределения, не связанных классовым родством с властью, на Евразийском пространстве появился Союз Советских Социалистических Республик.

Наряду с другими "малыми" народами, курды получили в нем свою автономию советского типа. Как я уже отмечал, именно в те годы появился целый ряд известных партийно-государственных деятелей, писателей из числа курдов.

В 1921 году в Армении состоялся I съезд курдов, а в Азербайджане в том же году был образован Курдский уезд, первое в новейшей истории курдов государственно-административное образование, получившее свое имя в истории, – **Красный Курдистан**. Постановлением Центрального Исполнительного Комитета Коммунистической партии этой республики 7 июля 1923 года уезд был переименован в Курдистанский, а затем в Курдский национальный автономный округ с центром в г. Лачин, позже г. Шуша.

Первый председатель Курдистанского уездного исполнительного комитета **Гуси Гаджиев** (с августа 1923 г.) активно взялся за организацию экономической, социальной, культурной жизни курдов. С целью преодоления сплошной неграмотности населения с 1923 по 1930 год в уезде было открыто 100 школ 1-й ступени, 3 школы рабочей молодежи, 3 семилетней школы,

сельскохозяйственный техникум, 3 клуба, много курсов ликвидации безграмотности. Эти меры означали благоприятную политику государства в отношении бесприютных курдов, возрождение в них веры в светлое будущее наравне с другими народами.

Географически Красный Курдистан был расположен между Нагорным Карабахом и Арменией и включал в себя четыре района: Келбаджарский, Лачинский, Кубадлинский, Зангиланский, а также часть Джабраилского района, где курды составляли 98% населения. Но автономия есть автономия, она всегда зависима от федеральных властей. Поэтому на территории Красного Курдистана, входившего, согласно национально-территориальному подчинению, в состав Азербайджанской ССР, курды были поставлены в правах гораздо ниже, чем соседние народы (азербайджанцы и армяне). Уместно напомнить, что сам Азербайджан появился на политической карте мира лишь в начале 1920-х годов.

В Красный Курдистан переселилось около двух тысяч семей курдов из Ирана и Турции, где официальными властями вообще было запрещено – под угрозой тюремного заключения – даже в быту пользоваться курдским языком. Зная о тяжелом положении курдов, переселившихся в Закавказье после распада Османской империи, В. И. Ленин направил в 1921 году Председателю Совета Народных Комиссаров Азербайджана Н. Нариманову телеграмму о помощи голодающему курдскому населению. Можно представить, как бедствовали курды, если даже вождь Советской страны обратил на это внимание.

Курды ощущали, что в единой советской семье не пользуются равными с другими народами правами. Даже на родине – в Курдском национальном автономном округе их всячески подавляли, считали второсортными, использовали только на подсобных работах... Такое отношение к курдам-скитальцам помнят наши старики, это отражено и в литературе. В качестве примера назову известный роман азербайджанского писателя Али Велиева “Будаг – мой современник”, где главный герой с горечью говорит: “... каждый встречный называл нас курдами. Это звучало как ругательство. Постепенно мы привыкли не обижаться на людей, желающих унижить нас”.

Первые годы Советской власти не принесли курдскому народу подлинной свободы и равноправия. Вот как об этом пишет Али Велиев: “Нас называли нищими, беженцами, курдами. Чем мы только ни занимались! Прошло четыре года... За эти длинные и нескончаемые годы я потерял своих близких, самых родных мне людей: отца, мать, сестер. И вот я снова здесь – пришел в этот город, пришел таким же нищим и таким же курдом, каким был, каким меня считали”.

По данным Всесоюзной переписи населения 1926 года, численность курдов в стране значительно сократилась: из 69,1 тысячи человек на территории Закавказья жили 66,7 тысячи, в Средней Азии – 2,2 тысячи.

НАСИЛЬСТВЕННАЯ ДЕПОРТАЦИЯ

Повторю, что в 1920-е годы в соседних с СССР странах – Турции и Иране – резко обострился “курдский вопрос”, то есть ситуация с правами курдского населения этих государств, и курды оказались как бы разменной монетой в борьбе интересов нескольких стран, острием внешней политики которых был Ближний и Средний Восток. При осуществлении своей восточной политики советская дипломатия фактически, что доказывается историческими документами, предала курдов – граждан Союза ССР.

После смерти вождя пролетариата В. И. Ленина в 1924 году наступили изменения в политической жизни СССР. Отразились они и на жизни курдов. Постепенно все реже стало употребляться само это слово-этноним *курды*. А в 1930 году, в связи с новым административным делением Азербайджана, Красный Курдистан перестал существовать.

Предыстория проста. Советские республики Закавказья имели общую границу с Турцией, в которой непокорные курды продолжали бороться за свою национальную независимость. В 1920–30-е годы произошло несколько курдских восстаний, в том числе широкомасштабное Араратское, жестоко подавленное турецкой военно-политической машиной. Лидер Турецкой Республики в то время Мустафа Кемаль стремился обрести друзей в регионе и обещал руководству СССР обеспечить социалистический путь развития своей страны. Он просил И. В. Сталина, “вождя всех народов”, ликвидировать Красный Курдистан, так как курды-повстанцы, участники Араратского восстания, требуют автономии по примеру советской.

В 1929 году во время ратификации Советско-Турецкого договора о дружбе и нейтралитете турецкая сторона, очевидно, поставила условие перед советской стороной о ликвидации Курдского Автономного округа, что и было сделано сталинским руководством.

И. В. Сталин дал команду Первому секретарю Центрального Комитета Коммунистической партии Азербайджана упразднить Красный Курдистан, удовлетворив просьбу Мустафы Кемаля. И. В. Сталин хотел таким способом получить дружественную социалистическую Турцию на южных границах своего государства. Теперь мы знаем, что из этого вышло...

Почему-то в настоящее время мало говорят и пишут о том, что в истории было и еще одно насильственное переселение курдов – высылка их в начале 1930-х годов в Карабах, откуда многие вернулись назад, в Закавказье, через два года. После этого жителей приграничных сел – “в целях укрепления границ СССР и пресечения шпионажа” – стали переселять подальше, в глухие и безводные районы Средней Азии и Казахстана. Депортации подверглись не только курды, но и представители других национальностей, на которых пало подозрение властей: турки-месхетинцы, хемшины, лазы... Как тут не вспомнить русского поэта И. А. Крылова, который писал: “У сильного всегда бессильный виноват”.

Это насильственное переселение стало началом ассимиляции той части древнего курдского народа, которая жила в СССР, разрушения его этнокультурной целостности, дискриминации самой принадлежности к курдской нации. Как следствие – экономическое и социальное подавление курдов в области образования, служебного роста, пренебрежение этнокультурными запросами народа, сохранившего за тысячи лет неповторимость и свое место в Истории человечества.

Депортация курдского населения в 1937 году из Азербайджана и Армении, а в 1944–1950 годах – из Грузии в республики Средней Азии и Казахстан стала одной из причин последующей ассимиляции курдов, как и многих малочисленных “некоренных” этносов СССР. Массовое и необоснованное переселение целых народов представляло собой “концентрированный гибрид несправедливости, произвола и беззакония, которые осуществлялись “железом и кровью””. Так писал казахстанский академик-юрист **Мурат Баймаханов**, один из авторов и составителей уникальной книги “Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы” (Алматы, 1998).

Депортация проводилась крайне бесчеловечными методами. С весны, а наиболее активно осенью 1937 и в начале 1938 годов в Казахскую Советскую Социалистическую Республику стали прибывать по железной дороге товарные составы под строгим контролем отрядов специальных служб и комендатуры (фактически под конвоем). В числе многих народов – жертв сталинской национальной политики и репрессий – в вагонах “для перевозки скота” (“телятниках”, в которых возили скот на бойню) находились и курды. Те немногие, кто выдержал внезапность выселения с родной земли – зимней ночью, без вещей и старших мужчин (их незадолго до выселения увели в неизвестность); кто проехал в “товарняках” тысячи километров без еды и питья, едва успевая на ночных остановках вынести умерших; кто не мог знать не только своей вины, но и своей судьбы...

В числе депортированных была и наша семья. Мы жили в селе Кикач, что в Нахичеванском районе Азербайджана. Был я восьмым, предпоследним ребенком в многодетной семье. Борьба за жизнь, за кусок хлеба, тревога о будущем детей подточили здоровье отца. Его не стало в 1936-м, когда мне было четыре года. Потеряв мужа, а в 1938 году старшего сына Абдуллу (о его судьбе мы узнали лишь полвека спустя – он был расстрелян по приговору “тройки”, судебно-репрессивного органа тех лет), мама всеми силами старалась сохранить нас, малолетних детей. Можно ли определить ту силу, благодаря которой ей удалось вырастить дружных сыновей и дочерей, преодолеть с ними голод, нужду, унижения, помочь им получить образование, увидеть внуков?!

Неотвратимая беда нагрянула в ноябре 1937-го года. Однажды утром просыпаемся, а наш дом и село окружены солдатами с винтовками. Я запомнил, что к винтовкам были прикреплены блестящие штыки. Солдаты что-то говорят, а взрослые почему-то плачут. Потом я кое-что понял. Люди

в черных "кожанках" принесли в наш дом весть, одетую в такие же черные одежды:

– Вам даются сутки на сборы для перемещения в другое место жительства...

Без обвинений, без следствия и суда, лишь потому, что рождены мы курдами...

– Брать с собой только самое необходимое. Завтра вас будут грузить в вагоны и отправлять.

До сих пор наши старшие родственники помнят это слово – "грузить". Будто речь шла не о людях, а о каких-то вещах, мусоре. Где, в какой части света "это место", никто нам объяснять не стал, как и то, что может пригодиться в первую очередь для обустройства в новых условиях, да еще на зиму глядя. Поэтому, как только закрылись двери за "кожаными" людьми, мама со старшими детьми стала складывать в одну кучу все вещи. О чемоданах в нашем селе в то время никто понятия не имел, и пожитки связывали в узлы, тюки, свертки. Но что можно взять с собой в неизвестность, кроме горя, когда с насиженного места с кровью выдираются глубокие корни? Может, лишь надежду нации – детей...

Когда вещи были кое-как отобраны и упакованы, кто-то из старших вспомнил о скотине. Ведь в каждом дворе были и бараны, коровы, домашняя птица. Как быть с ними? Побежали по соседям, узнали, что не только нашу семью, но и все село завтра будут "грузить в вагоны и отправлять".

– А говорили что-нибудь о скотине? Ее с собой повезем или как?

– Нет, приказано: Дома и скот оставить; за скотину выплатят деньги, когда доберетесь до места назначения.

Утром тишину нарушила колонна грузовых машин. Несмотря на общую суматоху, автотранспорт вызвал неподдельный интерес не только у таких желторотых мальцов, как я, но и у взрослых, убеленных сединой людей, так как самодвижущаяся техника была тогда в диковинку. Помню, с какой барской вальяжностью расположился я в кузове между тюков. Абсолютно ничего не понимая, был безмерно счастлив тем, что кто-то надумал прокатить нас.

Станция Араздаян встретила нас криками, стонами, воплями, истерическим смехом – все смешалось в какой-то сумасшедший гул. За оцеплением вооруженных солдат бурлила лава обезумевших от непонимания происходящего людей. А машины с курдами все подъезжали и подъезжали. Вновь прибывших высаживали и прикладами винтовок загоняли в общий водоворот. Страх холодной дрожью пробежал по телу: как бы не потерять из виду маму, братьев и сестер. Спрятавшись за грудой узлов и сжавшись в комочек, я лишь изредка высовывался из-за них, чтобы взглянуть на это столпотворение.

...Вот мимо моего убежища три "краснопогонника" гонят совсем молодого парня, за которым, ухватив мертвой хваткой полу его окровавленной

фуфайки, волочится по щебенчатой насыпи забрызганная грязью седая женщина...

...Старик, вскрикнув от боли – удар приклада пришелся по голове, – падает на колени. Он смотрит на свои жилистые руки, на ладони с крепкими трудовыми мозолями, и слеза сползает по морщинистой щеке...

...Мечется в толпе женщина; искривленный ужасом рот выкрикивает имя запропастившегося ребенка...

Из оцепенения меня вывели чеканные команды:

– Освободить железнодорожные пути! Не двигаться! Ждать дальнейших распоряжений!

В наступившей тишине, которую почти сразу же резко прервал протяжный гудок, меня среди узлов отыскивали старшие братья и благополучно водворили в надежные руки матери. Наконец началось распределение по вагонам:

– Подойти ближе к составу. Будем зачитывать списки. Названные должны выйти вперед.

Мордастый военный, зачитав несколько фамилий, оторвал глаза от толстенной тетради и указал пальцем на первый вагон. Конвой, окружив вышедших из строя, стал оттеснять их от общей массы. И тут глухой рокот взорвал толпу. Гортанный страстный язык кавказских народностей смешался с твердой русской речью. Несколько мужчин пытались объяснить начальству, что их соплеменники испокон веков жили общинами. Не только родные, но и двоюродные, троюродные братья и сестры, дяди и тети, дедушки и бабушки всегда старались селиться так, чтобы быть друг другу ближайшими соседями. Поэтому нельзя рвать эти связи по-живому, и семьи просили отправлять их в полном составе, проявляя человечность хотя бы в этом.

Но разве было время и желание у жестокой военно-бюрократической машины разбираться в укладе чужой жизни? Отъезжающих загоняли в вагоны согласно неведомо кем и как составленным спискам. И закрывали жутко лязгающими замками. Как заключенных. За что? Выглядывая в маленькие, переплетенные железными прутьями окошечки, люди махали платками и что-то кричали. Проскрипев буферами, поезд тронулся, оставив на перроне осколки битой посуды, горы замызганного тряпья и... подозрительные бурые пятна величиной с большую сковородку.

“Мы жили на Кавказе, возле реки Аракс, на территории Армянской ССР, – вспоминает руководитель Курдского культурного центра Енбекши-Казахского района Алматинской области **Азиз Байлярович Надыров**. – В декабре 1937 года стояли холода, но снега не было. Однажды ранним утром село проснулось в окружении солдат. Никто не имел права ходить по улице или зайти к соседям. Мне было 10 лет, и я хорошо помню: сразу арестовали всех мужчин и увезли в районный центр.

Согласно составленным спискам, людей стали отправлять эшелонами. В пути были больше 20 суток. Разгрузка составов была на станции

Или Алма-Атинской области. Здесь тоже не было снега, но мороз был намного сильнее, чем в это время на Кавказе. Для этих мест мы были плохо одеты. На грузовых машинах нас, 100 семей, отправили в село Бахбахты Балхашского района. Мерзли в машинах очень сильно. Но местные жители – это были казахи – приняли нас хорошо. Каждая казахская семья взяла “на квартиру” одну курдскую семью. Нас приютила семья Беке. Беке-ага, как все его звали, встретил нас тепло, с истинно степным радушием. Всю зиму мы жили и питались вместе с ними, ведь своих продуктов у нас не было...”

ДОРОГА ОТ КРАЯ ДО КРАЯ

До сих пор не люблю поездов. Закрываю глаза – стук колес не дает покоя. Ощущаю неприятный запах вагонов для перевозки скота...

Тогда же меня, пятилетнего мальчишку, успокоенного и обласканного матерью, остро заинтересовало обустройство нашего нового “жилья”, к “изучению” которого я приступил незамедлительно, едва прожевав кусок лепешки. Вагон был поделен на четыре сектора, отгороженных друг от друга завесами из одеял, кошмы или просто тюками. Каждый угол был рассчитан на одну семью, независимо от числа ее членов. “Квартиры” были обставлены двумя ярусами грубо сколоченных полок для ночлега. Завершал интерьер возвышавшийся посреди вагона общий “туалет” – обитый дерюжкой деревянный каркас. Щели в стенах и полу соперничали по размеру с крохотными оконцами, но холод, проникавший сквозь них, не выветривал тошнотворного запаха древесины, пропитанной каким-то химическим составом.

Как позже говорили взрослые, они до последней минуты надеялись, что при перевозке их на новое место жительства власти учтут родственные связи переселенцев или, по крайней мере, “клановость”, то есть односельчанство. Однако все было перемешано. Люди, попавшие в один вагон, впервые видели друг друга. Никто не знал, где их родственники, в каком вагоне и в этом ли составе вообще.

Обстоятельства путешествия (взаперти, под конвоем, без возможности хотя бы высунуться в окно) способствовали быстрому знакомству с другими обитателями “коммуналки”. Особенно я привязался к одному из наших соседей – худощавому, с глубоко запавшими глазами мужчине. Не могу точно вспомнить его имя, не то Ахмет, не то Махмет. Был он очень слаб и с постели поднимался по крайней нужде, хватаясь за грудь, заходясь кровавым кашлем. Да и не мудрено: говорят, били его страшно за сопротивление хаму в форме, глумившемуся над детьми. Было очевидно, что детей он любил всей душой, и они чувствовали это, тянулись к нему, как слабые ростки к лучу солнца, собирались вокруг него. Превозмогая боль, он вел с ребятней долгие беседы, стараясь ободрить, утешить и наставить

детей, в надежде, что, может быть, став взрослыми, они понесут его добрые и умные слова-семена в гущу нашего народа, запуганного, униженного и угнетенного.

Именно от него я впервые услышал историю своего племени и народа. Безусловно, детская память не могла точно зафиксировать исторические перипетии событий. Но искра познания, зароненная в юную голову этим мужественным человеком, да и мое неистребимое желание досконально знать историю родного края и народа помогли мне спустя десятилетия по крупицам восстановить его рассказы, дополнить теми сведениями, которые я собираю всю жизнь из самых разных источников. В древнекитайской книге IV–III вв. до н.э. “Даодэцзин” (“Трактат о пути и добродетели”) есть прекрасная мысль: “Будь способен знать начало и путь древности, и это знание позволит тебе увидеть путеводную нить, ведущую к сегодняшнему дню” (цит. по книге “Мудрость тысячелетий”. Энциклопедия. – М.: ОЛМА–Пресс. 2002).

Вот рассказ нашего попутчика.

Лет за четыреста до возникновения христианства греки, отступая под натиском персов к Черному морю, наткнулись в горах на незнакомый народ, живший по военным законам. Это были предки современных курдов, называвшие себя *кардухи*. Эти племена огнепоклонников исповедовали езидизм. Их верховный Бог – Ахурамазда олицетворял солнечный свет, разум, добро, и вел вечную борьбу с силами тьмы и зла. Огонь же был посредником между человеком и силами Неба.

Неповторимой красоты и сказочных богатств горный край в Западной Азии назывался *Месопотамией* и был курдам родным домом уже три тысячелетия. Огромная территория, начинаясь на севере с Армянского и Иранского нагорий и доходя до южных пустынь, была уже тогда внутриматериковым “перекрестком” военных и торговых путей, культур, людских перемещений. Впоследствии эта огромная Страна курдов (то есть *Kurdistan* – *Курдистан*) с многочисленными горными хребтами, ущельями, реками, просторными и плодородными долинами, с резко континентальным климатом стала единой территорией, отделявшей иранский мир от тюркско-арабского, преграждая путь многочисленным завоевателям и с Запада, и с Востока, поневоле оказываясь в самом центре и взаимодействия цивилизаций, и боевых сражений.

Выгодное, особенно в военном отношении, географическое положение Курдистана, большие запасы нефти и воды, многих других природных богатств – все это всегда было предметом зависти не только близких соседей, но и дальних “стратегов”, что приводило к бесконечным войнам и вооруженным столкновениям с разнообразными захватчиками.

История распорядилась так, что слово *Kurdistan* всегда было этно-географическим, а не историко-политическим определением. Многочисленные мужественные попытки курдского народа, единого по происхождению,

территории, образу жизни, языку, создать собственное государство приносили лишь краткие эпизоды свободы в 30-вековой истории. Наш народ свято бережет в своей благодарной памяти немногие очаги государственности на древней земле Курдистана.

Сегодня есть Курдистан турецкий, иранский, иракский, сирийский, закавказский. Но нет ни на каких картах целого Курдистана. Правда, на картах докемалистской Турции в правом углу всегда было напечатано слово "Kurdistan", но после 1923 года оно исчезло. Нет у нас своего государства, хотя курдский народ – это более 40 миллионов патриотов. И разносит ветер испытаний истерзанных сынов Страны курдов как перекасти-поле по огромной Планете...

Уже в Средние века благодатные земли Курдистана были известны своими огромными людскими ресурсами. Часть курдского населения начала перемещаться в поисках более спокойной жизни из центральных районов в разные стороны света. Поток переселенцев, устремленный на север, расселялся на территориях, которые по гораздо более поздним историческим договорам (Гюлистанскому 1813 г. и Туркменчайскому 1829 г.) вошли в состав Российской империи, границей которой стала река Аракс.

То есть "будучи исконными обитателями Армянского нагорья и Закавказья, курды сохраняли верность земле, на которой столетиями жили вместе с предками армян, азербайджанцев и грузин. Поэтому территория бывшей Нахичеванской Автономной ССР и Лачинский коридор – исконные курдские земли...", – так объяснял нам измученный кашлем попутчик.

Память нередко возвращает меня в тот злосчастный вагон "для перевозки скота"... Естественно, мне были очень интересны рассказы нового взрослого друга о поднебесных горах и красивых долинах, о многочисленных реках и богатствах родного Курдистана; о легендарных героях, мужественных защитниках народа, о дангбежах (*dengbêj* – певец, сказитель) и древних поэтах; доставляли радость сказки и забавные истории про всяких виданных и невиданных зверушек, которые разговаривали на своем языке и смешили мелюзгу до слез. Но однажды мама не разрешила тревожить соседа – ему было очень плохо. А вечером его не стало...

На остановке отодвинулась дверь вагона. Вошли двое военных. Отстранив женщину, оплакивающую смерть мужа, бесцеремонно подтащили тело покойного, по традиции завернутое в кусок белой материи, к дверному проему, сбросили его на насыпь. Глухо ударившись о щебень, оно медленно начало сползать под откос. Возгласы отчаяния заглушил лязг затворов. Прильнув к щелям, мы со смешанным чувством страха и неприязни наблюдали за действиями похоронной команды. Подогнав металлическую тележку, уже наполовину заполненную скорбным грузом, подручные смерти, раскачав бречное тело соседа, положили его поверх других. Материя савана лопнула, и широко раскрытые глаза мученика в последний раз взглянули на близких, на мир...

Эшелон тащился медленно. Взрослые, наверное, подсчитывали дни, а для нас, малышей, время превратилось в бесконечность. Проходили дни за днями, мучительным будням заключенных, казалось, не будет конца. На редких остановках мы пытались разглядеть сквозь щели буквально единицы людей, которые смотрели на вагоны в немом изумлении и страхе. Да и их наши конвоиры немедленно отпугивали щелканьем затворов. В памяти сохранились и некоторые происшествия.

Почему-то все время хотелось пить, несмотря на холод. Может, от скудной еды? Все кастрюльки, чашки, плошки наполнялись на редких стоянках водой, но ее не хватало на перегон, до следующей остановки. Жажда была нестерпимой, даже сон не облегчал. Стоянок ждали все, от мала до велика: хотелось хоть кратковременного избавления от грохота колес о рельсы, от спертого воздуха и духоты, минутного соприкосновения с землей и, конечно, хотелось воды, дарующей надежду выжить.

Однажды на рассвете поезд разбудил всех, резко замедлив ход. Остановились на крошечном разъезде: будка обходчика да колодезный журавль. Видимо, ждали встречный состав, и потому охрана не спешила открывать ворота узилищ и выпускать подвывающих от нетерпения затворников. Как выбрался наружу щуплый старик в черных широких шароварах, с обшлагами у щиколоток, и белой рубаше с разрезом на груди, осталось загадкой. Держа над головой кастрюлю, он бежал в сторону колодца. Лет ему было немало, он сильно сутулился и подволакивал ноги.

– Э-эй! Куда несешься? Остановись! – окликали его из вагонов. – Вернись, а то солдаты убьют!

Но старик, смешно оскалив зубы, махнул рукой: бросьте, мол, я только за водой.... И еще быстрее пустился по жухлой траве. Сделал несколько прыжков и упал, сраженный пулей. Смерть. Как это просто и страшно. Мама с лицом белее мела остановила братьев, пытавшихся оттащить меня от щели:

– Пусть смотрит! И пусть помнит! Помнит всю жизнь! Потому что другим способом помянуть всех оставшихся лежать вдоль этой страшной дороги мы не сможем, – нет у них даже могил...

НА НОВОМ МЕСТЕ

Колеса все стучали и стучали на стыках, наматывая километры, доводя до отчаяния. К тому же там, на родине, откуда нас вывозили, было еще тепло, куда ни глянешь – ковры многочисленных цветов, буйство зелени, бесконечные ряды деревьев, озера, реки, ручьи. Словно сам Всевышний позаботился о том, чтобы у людей был рай и именно на этой земле. Но паровоз увозил целые народы все дальше и дальше от обжитого и обустроенного руками наших дедов, отцов и старших братьев рая в неиз-

вестность, которая, чем дальше мы ехали, тем больше становилась суровой, неприветливой.

За стенами вагона менялся ландшафт: стали редеть леса, исчезли реки и озера, буйные травы чахли на глазах, превращаясь в рыжую щетину. Из теплой азербайджанской осени мы въезжали в серую холодную зиму. И вот потянулась степь. Бескрайняя, однообразная, выжженная солнцем, изъеденная солончаком. Было ясно, что движемся мы не в райские места. До самого горизонта не было видно не только деревца, но даже кустика, редко где мелькнет одинокая юрта или саманный домик на полустанке.

Огромные снежные пятна превратились вскоре в бескрайнее белое покрывало. Беспрестанное тарахтенье колес на стыках рельсов порождало ощущение, что мы совершенно одни в мире под этим низким мрачным небом. Где мы? Куда нас везут? Географию определить было невозможно. Впоследствии взрослые говорили, что, почувствовав разницу природных условий, приготовились принять любой уготованный судьбой удар. Как стало известно много лет спустя, в Закавказье было сформировано, по крайней мере, два эшелона спецпереселенцев – один направили в Алматинскую область, а наш – в Джамбулскую.

Промерзшие стены вагона отсырели, покрылись серебряной изморозью. В оконца и щели задувало, наметая тонкие струйки снега. В дырку на крыше глядело холодное зимнее небо. Наверное, нас везли с особыми предосторожностями, потому что, насколько помню я и мои родные, нам не попадались ни встречные, ни попутные поезда. Одинокие, оторванные от земли, как шары степной травы перекаати-поле...

Однажды, будто задохнувшись от безумного бега, состав остановился.

– Смотрите, дома! Какая-то станция. Откроют двери или нет? Может, повезут дальше... А мы еще в Советском Союзе?

Послышался "кляц" вагонного затвора и зычный голос приказал всем выходить "на воздух". С грохотом покатились в сторону двери, из которых, как горох, посыпались люди. Кто-то из старших братьев подхватил меня на руки, поставил на землю, и я по пояс оказался в снегу. Была морозная, но ясная погода. Люди, изнуренные долгим сидением в смрадных вагонах, пьянели от воздуха, от простора и света.

– Город Мирзоян... Мирзоян... Мирзоян, – шепотом передавали друг другу прибывшие надпись на здании вокзала, которую прочитали конвоиры. – А где этот Мирзоян находится? Не на Крайнем ли Севере? Слишком много снега и ветер пронизывает насквозь...

– Не должно быть, чтобы на Крайнем Севере. До него еще ехать и ехать...

Вряд ли кто из переселенцев знал, когда и зачем был построен этот город, продуваемый со всех сторон колючими ветрами, имевший не одно имя в истории. Но с этим названием навсегда в нашу жизнь вошел Казахстан.